

А.В. Литвинов

УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС В ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В 20–30-е ГОДЫ XX ВЕКА¹

Аннотация

В статье рассмотрен процесс реформирования отечественного высшего образования в 20–30-е годы XX в. на примере Томского государственного университета. В это время руководством страны совместно с вузовской научно-педагогической общественностью осуществлялся поиск наиболее оптимальной модели высшего образования. Определялись круг необходимых специалистов, профиль их подготовки, организация, содержание и сроки обучения, методическая база учебного процесса, принципы аттестации студентов и молодых специалистов. В итоге сложилась система университетского образования, ставшая результатом соединения традиций дореволюционной русской высшей школы и советских новаций, осуществленных в обозначенный период.

В условиях развернувшейся в широких кругах дискуссии о реформе современного высшего образования небезынтересным является обращение к опыту организации образовательного процесса в отечественной высшей школе в 20–30-е годы XX в. В этот период она была подвергнута такому количеству экспериментов, какого не выдерживала ни до, ни после. Именно в это время и была сформирована в своих основных чертах современная отечественная высшая школа.

Восстановление советской власти в Томске во второй половине декабря 1919 г. внесло существенные изменения в жизнь Томского государственного университета. К этому времени в составе университета функционировали медицинский (с 1888 г.), юридический (с 1898 г.), историко-филологический и физико-математический (с 1917 г.) факультеты.

Первым шагом новых властей в отношении университета стало увольнение большей части профессуры юридического факультета,

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 06-03-64302 а/Т.

«запятнавшей» себя в годы революции и Гражданской войны сотрудничеством с антибольшевистскими режимами и демонстрацией своего негативного отношения к советской власти. Сам факультет весной 1920 г. был преобразован в факультет общественных наук (ФОН). В 1921 г. в ФОН влился и историко-филологический факультет как этнолого-лингвистическое отделение. Однако уже в июле 1922 г. под предлогом отъезда из Томска большей части профессоров гуманитарных специальностей этот факультет был закрыт. В условиях острой нехватки средств и отсутствия в Сибири гуманитариев-марксистов гуманитарное, юридическое и экономическое образование и наука оказались ненужными и даже вредными для новых властей.

Через некоторое время под угрозой закрытия или реорганизации в пединститут оказался и физико-математический факультет. В 1922 г. Главпрофобр, занимавшийся реформой высшей школы, принял решение о реорганизации физико-математических факультетов университетов страны, дававших общее образование в области точных и естественных наук и готовивших специалистов для научно-исследовательской и преподавательской деятельности, в педагогические институты или, как они в то время назывались, институты народного образования. Такой шаг мотивировался тем, что кадры, подготовленные физико-математическими факультетами, как правило, направлялись в средние и высшие школы на педагогическую работу, но были зачастую слабо подготовлены в педагогическом отношении, а намечавшееся дальнейшее развертывание сети средних школ требовало большего количества новых советских педагогов. Подготовить таких специалистов, подчеркивалось в распоряжении Главпрофобра, «могут только педагогические, но никак не физико-математические факультеты» [6. С. 254].

Профессора и преподаватели физико-математического факультета Томского университета выступили против такой реорганизации. Делегация факультета во главе с ректором университета профессором В.Н. Савиным, встретившись в Москве с наркомом просвещения А.В. Луначарским, сумела доказать нецелесообразность намеченной Главпрофобром реорганизации. В результате ее осуществления была бы дезорганизована нормальная работа университета, она нарушила бы деятельность не только физико-математического, но и медицинского факультета университета, где также преподавали сотрудники физико-математического факультета. Реорганизация факультета наверняка повлекла бы за собой новый отток профессоров и преподавателей из Томского университета. Сохранение факультета в составе ТГУ, убеждали члены делегации, позволило бы дать средней и высшей школе Сибири хорошо подготовленные в научном отношении кадры преподавателей и сохранить квалифицированный профессорско-преподавательский состав университета. Нарком согласился с этими доводами и отменил распоряжения Главпрофобра. Сохранить физико-математические факультеты наряду с Томским университетом удалось лишь Московскому, Петроградскому и Казанскому университетам [6. С. 253–254].

В связи с началом форсированной индустриализации страны вновь обострилась проблема подготовки специалистов для промышленности. Она обсуждалась на июльском (1928 г.) и ноябрьском (1929 г.) Пленумах ЦК ВКП(б). В результате было вынесено решение о реорганизации всей системы высшего образования по отраслевому принципу, увеличении сети вузов и др. В декабре того же года в Москве по инициативе Главпрофобра состоялась конференция представителей физико-математических факультетов университетов. Ее участники, следуя преобладавшим тогда в Главпрофобре тенденциям, одобрили переориентацию физико-математических факультетов на подготовку специалистов узкого профиля для технических отраслей промышленности, строительства, транспорта. Это, безусловно, вело к отказу от традиций отечественной высшей школы, готовившей специалистов, обладающих всесторонними знаниями.

В марте 1930 г. заведующий Главпрофобром А.Я. Вышинский, выступая на собрании партактива Томского университета, сообщил, что в университете предполагается иметь медицинский, сельскохозяйственный и педагогический факультеты [20. С. 155]. Окончательное решение о реорганизации университетов было принято в Главпрофобре в июле 1930 г. Это решение было закреплено в постановлении ЦИК и СНК СССР «О реорганизации вузов, техникумов и рабфаков» [1. С. 115]. Намечалось провести реорганизацию университетов путем выделения в особые институты в первую очередь медицинских факультетов.

Санитарно-профилактический и лечебно-профилактический факультеты ТГУ, возникшие незадолго до этого в результате разделения медицинского факультета, к началу 1931 г. были выделены в самостоятельный Томский медицинский институт (ТМИ). С начала 1930/31 учебного года химическое отделение физико-математического факультета Томского университета слилось с химическим факультетом Сибирского технологического института (СТИ). В итоге образовался самостоятельный Сибирский химико-технологический институт (СХТИ). Геологическое отделение физико-математического факультета университета было объединено с горным факультетом СТИ, в результате чего был создан Сибирский геологоразведочный институт (СибГРИ). Реорганизация проходила отнюдь не безболезненно. В ее ходе часть ценнейшего оборудования и учебных пособий, принадлежавших университету, перешла к новым институтам. Профессора и преподаватели физико-математического факультета отнеслись к этим преобразованиям резко отрицательно, так как это, по их мнению, вело к «растаскиванию» университета, из которого уходило ценное оборудование и научно-учебная литература².

После «разукрупнения» Томского университета оставшиеся в составе физико-математического факультета физико-математическое

²ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1876. Л. 15.

и биологическое отделения были преобразованы в самостоятельные физико-механический факультет и факультет растениеводства и животноводства.

Осенью 1930 г. в составе Томского университета был открыт педагогический факультет с целью подготовки преподавателей для школ II ступени Сибирского края, включавший литературно-лингвистическое, математическое и химическое отделения. Однако уже через год он был преобразован в самостоятельный Томский государственный педагогический институт.

На этом реорганизация Томского университета не закончилась. В дальнейшем она заключалась в упразднении факультетской структуры и организации отделений (каждое со своей учебной частью во главе с заведующим). Осенью 1931 г. на базе физико-механического факультета были организованы физическое, математическое и астрономо-геодезическое отделения, а на базе факультета растениеводства и животноводства — зоологическое и ботаническое отделения. По предложению Наркомпроса восстанавливались химическое и геологическое отделения; вновь были организованы почвенное и географическое отделения³. Таким образом, Томский университет стал функционировать в составе 9 отделений. В следующем, 1932/33 учебном году математическое отделение было разделено на 2 механико-математических отделения (уклоны № 1 и № 2) и университет стал иметь в своем составе 10 отделений [9. С. 26].

Очень скоро как научно-педагогическое сообщество, так и руководство высшей школы увидели существенные недостатки, свойственные такой организации высшей школы. Разделение крупных вузов на «карликовые» вело к общей деградации учебно-производственной базы и распылению кадров [1. С. 119].

В мае 1933 г. Томский университет вновь перешел на факультетскую структуру. В его составе создавалось 4 факультета: физико-математический, биологический, химический и геолого-почвенно-географический [6. С. 302–303, 354; 9. С. 170].

В связи с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании географии в начальной и средней школе СССР» в 1939 г. геолого-почвенно-географический факультет разделился на геолого-почвенный и географический факультеты. Они начали работать с сентября того же года. Выделение географического факультета позволило расширить подготовку специалистов. В первый год своего существования новый факультет продолжал готовить специалистов по физической и экономической географии. После создания на нем кафедр метеорологии и климатологии, геоморфологии, геодезии и картографии, гидрологии с 1940/41 учебного года подготовка стала осуществляться по четырем геолого-географическим специальностям: геоморфологии, гидрологии, климатологии и экономической географии [20. С. 164].

³ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1876. Л. 16.

16 мая 1934 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР». В августе 1939 г. Всесоюзное совещание ректоров признало необходимым открыть в университетах подготовку по основным гуманитарным специальностям. Уже осенью 1940 г. в составе Томского университета появился исторический факультет в составе трех кафедр: истории народов СССР, новой истории и древней истории [6. С. 350; 20. С. 164]. С 1941 г., когда в его составе появилось отделение русского языка и литературы, этот факультет стал называться историко-филологическим. Вскоре было создано и отделение классической филологии.

Во 2-й половине 30-х годов сфера учебной деятельности заметно расширилась. В ноябре 1936 г. приказом Наркомпроса при Томском университете был открыт заочный сектор. Программа заочной подготовки специалистов соответствовала 4-годичному курсу учительского и педагогического институтов и предусматривала получение высшего педагогического образования. Заочный сектор создавался в составе трех факультетов: физико-математического, естественного и географического. Подготовка велась на физико-математическом и биологическом факультетах, а также на географическом отделении геолого-почвенно-географического факультета, позднее — на географическом факультете. Система подготовки специалистов на заочном секторе (отделении заочного обучения) Томского университета с тех пор практически не менялась: студенты 2 раза в год вызывались на очные сессии, в ходе которых читались установочные и обзорные лекции, проводились практические занятия и устраивались экзамены по пройденным дисциплинам. Курс обучения завершался сдачей государственных экзаменов. На заочное обучение принимались учителя и пионервожатые, имевшие среднее образование и работавшие в системе Наркомпроса. Первый набор заочников превысил 200 учителей, из которых в 1940 г. 185 человек составили первый выпуск [3. С. 112; 6. С. 350; 20. С. 164].

Важнейшим мероприятием в организации учебного процесса в Томском университете стало введение триместровой организации (три учебных периода) учебного года, а также отмена в начале 20-х годов (в соответствии с декретом 1918 г.) экзаменов и зачетов. Последняя мера, однако, существенно затрудняла определение качества подготовки студентов и, в конечном счете, специалистов. Этот «перегиб» был устранен в 1923 г. Весной этого года Главпрофобром была утверждена инструкция о порядке проверки выполнения академического минимума студентами вузов. Этот шаг привел к замене дореволюционной предметной системы обучения современной курсовой. В начале каждого учебного года на факультетах создавались специальные комиссии, которые выносили заключение о переводе студента на следующий курс, оставлении на второй год или об исключении из университета. Это позволило ускорить выпуск так необходимых в Сибири специалистов. Сроки начала и окончания учебных курсов определялись администрацией вузов. Наряду с итоговой

аттестаций с осени 1924 г. в связи с решением ректорского совещания о введении системы групповых занятий была организована регулярная проверка знаний без специальных экзаменов. Таким образом, вводился учет текущей успеваемости, по итогам которого и определялась дальнейшая судьба студента [1. С. 164].

Что касается содержания образования, то в начале 20-х годов советское государство и коммунистическая партия заняли здесь ведущую роль, передав функцию составления учебных программ своим органам: Наркомпросу и ГУСу, которые начали разработку типовых (общих) учебных программ. Эти типовые программы, пройдя обсуждения в вузовских коллективах и претерпев изменения, вновь поступали в Наркомпрос на утверждение, после чего становились учебной программой конкретного вуза. К разработке этих учебных программ наряду с профессорско-преподавательскими коллективами вузов привлекалась и студенческая общественность. С этой целью в соответствии с «Положением о вузах» от 3 июля 1922 г. (это был фактически первый устав советской высшей школы. — А.Л.) были организованы предметные комиссии, объединявшие не только профессоров и преподавателей смежных дисциплин, но и студентов — в половинном от общего количества научных работников числе [15. С. 729]. Именно предметные комиссии в 20-е годы должны были стать ключевыми органами в решении всех вопросов деятельности высших учебных заведений, в том числе в разработке новых учебных программ, в рамках которых должно было вестись обучение. Эта новация преследовала цель резко снизить роль профессоров и преподавателей, многие из которых не приняли советскую власть, и тем самым усилить влияние партии и государства в определении содержания преподавания.

Пути проведения реформы медицинского образования обсуждались в феврале 1922 г. на совещании деканов медицинских факультетов при отделе здравоохранения Сибревкома (Сибздрав). Проект самой реформы разрабатывался Народным комиссариатом здравоохранения и ГУСом. Он рассматривался на 1-й Всероссийской конференции по высшему медицинскому образованию, прошедшей при Наркомздраве в мае 1924 г.

В докладе заместителя наркома здравоохранения З.П. Соловьева и в «Тезисах по вопросу о реорганизации высшего медицинского образования», разработанных ГУСом, был сформулирован общий профиль специалиста, которого должны были готовить на медицинских факультетах. Подчеркивалось, что «все преподавание в медвузах должно быть реорганизовано в таком направлении, чтобы давать студенту, будущему врачу, умение полностью учитывать профессиональные, бытовые и общие социально-экономические условия, способствующие как возникновению болезней, так и предупреждению и лечению их...» В заключение делались выводы о том, что «преподавание по гигиене экспериментальной и социальной должно быть расширено и пересмотрено соответственно их важности в деле здравоохранения... Преподавание санитарно-профилактических

предметов должно быть связано с преподаванием предметов клинических». Таким образом, было указано основное направление в реформе высшего медицинского образования — усиление санитарно-гигиенического и профилактического циклов.

В 1924 и 1925 г. на медицинских факультетах сибирских вузов, в том числе и Томского университета, были открыты кафедры социальной и экспериментальной гигиены.

Отношение профессоров-медиков Томского университета к этой реформе в целом было сдержанным. В числе горячо поддерживавших ее был профессор С.В. Лобанов. Он, в частности, писал: «В основе советской медицины лежит профилактическое направление: дать такой уклон и соответствующую идеологию будущему врачу — первая и самая важная и в то же время очень трудная задача медицинской школы...» [13. С. 223, 325].

Санитарно-профилактическое направление в преподавании на медицинском факультете Томского университета в дальнейшем усилилось. Результатом этого стало разделение в августе 1930 г. медицинского факультета на два: санитарно-профилактический и лечебно-профилактический. Вскоре медицинский факультет выделился из состава Томского университета в самостоятельный институт.

После того как удалось отстоять в составе университета физико-математический факультет, была продолжена начатая еще в 1920 г. корректировка учебных планов и программ с целью «изживания» общенаучного характера подготовки. «Переработка учебных планов и программ, — писала в 1923 г. заместитель наркома просвещения В.Н. Яковлева по поводу реформы образования на физико-математических факультетах, — имеет целью изгнание из учебных планов многопредметности и универсализма... перенесение центра тяжести преподавания в область чисто специальной подготовки» [23. С. 22].

Соображения относительно намечавшихся преобразований и выработки новой программы и учебных планов были высказаны в серии очерков сотрудников факультета, профессоров В.В. Сапожникова, В.А. Лаврского, В.Д. Кузнецова и преподавателей Н.Н. Горячева, Б.В. Тронова, В.А. Хахлова, объединенных в брошюру «Физико-математическое образование. Задачи и содержание» (Томск, 1923 г.). Анализ содержания этих очерков показывает, что профессора и преподаватели физико-математического факультета ТГУ не разделяли полностью точку зрения Наркомпроса о целесообразности подготовки узких практических специалистов, каких готовили технологические институты. Соглашаясь с тем, что «современная русская действительность предъявляет... к высшей школе еще одно требование — чтобы знания и умения, в ней приобретаемые, находили непосредственное практическое применение», авторы статей признавали необходимым готовить специалистов «смешанного» типа. Они, по их мнению, должны быть готовы как к научно-педагогической деятельности, так и к работе в народном хозяйстве страны. Однако ставка по-прежнему делалась на первую составляющую, т.е. на подготовку специалиста университетского профиля [10. С. 10].

В итоге к началу 1923/24 учебного года в составе физико-математического факультета Томского университета вместо 2 стало 5 отделений: математическое (здесь сосредоточилась подготовка в области математики, механики, астрономии, физики и геофизики), химическое, биологическое (здесь велась подготовка в области ботаники и зоологии), геолого-минералогическое и географическое [8. С. 36].

Учебным планам всех отделений был придан практический уклон со специализацией по отдельным отраслям. Подготовка велась почти по 50 специальностям. «Что касается универсализма, то в программах этого факультета... он был полностью изжит», — с удовлетворением констатировал И. Зудилов, проректор по студенческим делам. С целью ускоренной подготовки специалистов срок обучения на факультете сократился с 4 до 3 лет. Специализация начиналась с 1-го курса. Государственные экзамены и дипломные работы отменялись, что затрудняло контроль над уровнем подготовки специалистов, препятствовало формированию у них навыков научно-исследовательской работы⁴.

Однако ход занятий по этим планам скоро продемонстрировал, что за 3 года невозможно подготовить специалиста высшей квалификации. Слишком узкая специализация, «практицизм» и «технизм» в конечном счете себя не оправдали. Факультет не давал ни теоретической подготовки, ни профессиональных умений и навыков. Профессора В.Д. Кузнецов, Н.Н. Горячев, В.В. Ревердатто и другие предложили правлению университета ходатайствовать перед Наркомпросом об увеличении продолжительности обучения с 3 до 4,5–5 лет, о сокращении количества специальностей на физико-математическом факультете. В феврале 1925 г. на физико-математическом факультете было проведено совещание с участием преподавателей и студентов, в ходе которого подавляющее большинство профессоров, преподавателей и студентов высказывалось за увеличение срока обучения [20. С. 143–144].

Под давлением научно-педагогических сообществ высших учебных заведений страны Главпрофобр вынужден был разработать новые учебные программы. В соответствии с ними в 1926 г. физико-математический факультет Томского университета был вновь подвергнут реорганизации. Вместо 5 отделений стало 4: химическое (с 3 циклами: неорганической и физической химии, органической химии, технической химии), геолого-географическое (с 2 циклами: геолого-петрографическим и геолого-палеонтологическим), биологическое (с 5 циклами: физиология растений, геоботаника, систематика растений, экспериментальная зоология, зоология и сравнительная анатомия), физико-математическое (с 3 циклами: математика, астрономия и геодезия). Количество специальностей было сокращено почти наполовину. Но учебные программы по-прежнему

⁴ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1876. Л. 13.

страдали излишней «многопредметностью». Срок обучения увеличился до 4,5 года. Специализация начиналась со 2-го курса. Вновь вводились госэкзамены и написание дипломных работ. Тогда же была введена семестровая организация (два учебных периода) учебного года⁵ [14. С. 255]. Таким образом был восстановлен и университетский профиль подготовки специалиста.

В связи с началом индустриализации, обострившей нужду в специалистах самых различных профилей, в конце 1929/30 учебного года учебные планы университетских специальностей вновь были подвергнуты максимальной технизации. С этой целью предусматривалось преподавание ряда чисто прикладных дисциплин («опытное животноводство», «опытное рыбоводство», «прикладная микробиология» и т.п.). Срок подготовки вновь сокращался до 3,5 года, резко увеличилось количество специальностей, специализация начиналась с 1-го курса. В декабре 1929 г. – январе 1930 г. коллегия Наркомпроса отменила в университетах государственные экзамены и дипломные работы, мотивируя это необходимостью ускорить выпуск нужных стране специалистов. В марте 1930 г. было отменено обязательное посещение лекций студентами⁶.

Повторение опыта середины прошлого десятилетия — сокращение сроков обучения, технизация и постоянные изменения учебных программ, отмена итоговой аттестации в виде госэкзаменов и дипломных сочинений — стало возможным благодаря реформе системы управления вузами. Ее сутью стала замена принципа выборности принципом назначения на руководящие должности ректоров (директоров) и деканов (заведующих отделениями). Налаживание жесткой вертикали власти не позволило научно-педагогическому сообществу Томского университета эффективно сопротивляться методическим нововведениям властей. Однако эти новации дали те же результаты. Элементарная нехватка учебного времени, отсутствие итогового контроля над успеваемостью — все это не могло не ухудшить качества подготовки специалистов, а слишком узкая специализация, «практицизм» и «техницизм» в конечном счете себя не оправдали, так как не давали ни должной теоретической подготовки, ни профессиональных умений и навыков.

Что касается разработки учебных программ с привлечением для работы в предметных комиссиях студентов, то профессура, естественно, восприняла это негативно, как попытку вмешательства в прежде исключительно ее сферу компетенции, и противодействовала этому. В итоге необходимые решения принимались не в предметных комиссиях, а только профессорами и преподавателями, т. е. на кафедрах, на заседаниях которых студенты не приглашались. И таких случаев было много. Профессора и преподаватели также саботировали отмену госэкзаменов и дипломных работ. Так, например

⁵ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1876. Л. 14.

⁶ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1876. Л. 15, 16; ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 2. Д. 17. Л. 55

профессора и преподаватели физико-математического факультета при составлении программ пытались сохранить их в виде «государственных квалификационных испытаний» и «квалификационных или научных работ»⁷.

Это создавало конфликтные ситуации, которые препятствовали конструктивной деятельности университета. В этой связи участие студентов в процессе подготовки учебных программ было отменено посредством упразднения предметных комиссий в ходе реорганизации системы управления университетом в 1930 г. В дальнейшем учебные программы разрабатывались с участием только профессоров и преподавателей созданных в 1930 г. отделений, а с 1933 г. — с участием сотрудников кафедр. Роль последних становилась ведущей.

Отсутствие в высшей школе стабильных учебных планов было расценено как серьезный недостаток. В постановлении ЦИК СССР «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» от 19 сентября 1932 г. вузам предлагалось к 1 января 1933 г. пересмотреть учебные планы и программы и отвести в них на общетехнические и специальные дисциплины до 80–85% всего учебного времени. Срок обучения увеличивался до 5 лет, а специализация начиналась с 3-го курса. Новые планы предусматривали по прохождении курса обучения в университете сдачу госэкзаменов и защиту дипломной работы [19. С. 409]. С этого времени государственные экзамены и дипломное сочинение окончательно заняли место важнейшего квалификационного показателя. К 1934 г. количество специальностей, по которым планировалось вести подготовку специалистов, сократилась до 23.

В 1932 г. наряду с учетом текущей успеваемости были введены две зачетные сессии — по окончании осеннего и весеннего семестров. Такая практика просуществовала до 1936 г. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) учет текущей успеваемости был отменен, остались лишь экзамены и зачеты. Что касается конкретных сроков начала и окончания занятий и каникул, то они определялись администрацией вузов по собственному усмотрению, произвольно. Такое положение вещей имело место до постановления 1936 г., которым были установлены единые для всей высшей школы СССР сроки начала и окончания занятий и каникул. Занятия должны были проводиться с 1 сентября до 30 июня с перерывами на каникулы с 24 января до 6 февраля и с 1 июля до 31 августа [21. С. 386].

Стремясь обеспечить соответствующий профиль и качество подготовки специалистов, а также задать соответствующий идеологический тон в преподавании, Наркомпрос приступил к разработке типовых учебных программ, общих для всех вузов. Таковые были разработаны уже к 1934 г. Эти программы, как и прежде, обсуждались в коллективах высших учебных заведений, и после внесения в них изменений они проходили утверждение в Наркомпросе, а затем

⁷ ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 2. Д. 17. Л. 55.

становились учебными планами конкретного учебного заведения, в том числе и Томского университета. Этот порядок принципиально сохранился до настоящего времени.

Однако вплоть до конца 30-х годов присылавшиеся в Томский университет учебные планы, наспех составленные в Наркомпросе, страдали массой недостатков. Это вынужден был признать даже «красный» профессор Н.П. Загорский. «Мы далеки от восхищения работой ГУСа или Главпрофобра, — писал он, — ибо прекрасно видим, как медленно, тяжело и неповоротливо руководят эти советские органы делом высшего образования. Мы полагаем, что многое из того, что «решено» этими советскими организациями, на самом деле нуждается еще в пересмотре и переделке. Поэтому меньше всего нас должны сбивать с толку крики о незыблемости решений ГУСа или Главпрофобра». Такой порядок подготовки учебных программ позволял профессорам и преподавателям Томского университета, «прикрываясь» санкцией Наркомпроса, существенно влиять на содержание образовательного процесса, сохраняя его университетский профиль. «Ссылки на «неприкосновенность» учебных планов, утвержденных Главпрофобром, — писал тот же Н.П. Загорский, — являются со стороны буржуазной профессуры простой уловкой и очковитательством, так как на местах, в вузах, эти планы переделываются и еще больше раздуваются в сторону излишней теоретичности» [5. С. 95–96]. За «излишнюю теоретичность» выпускник Института красной профессуры Н.П. Загорский ругал именно университетский профиль образования, не ограничивающийся сугубо практическими аспектами.

Таким образом, типовые планы Наркомпроса 20–30-х годов подвергались на местах существенной корректировке. При этом отношение к типовым программам со стороны профессорско-преподавательского состава в то время было достаточно критическим. В итоге незыблемыми в них оставались лишь сроки обучения. Роль профессоров и преподавателей университета в определении содержания образования оставалась в то время весьма значимой. Учебные программы и планы сформировались только к концу рассматриваемого периода.

Другим новшеством в учебной работе Томского университета, как и других вузов страны, стали новые методы преподавания. Столкнувшись с саботажем профессоров и преподавателей центральных вузов, антисоветской и антикоммунистической пропагандой, проводившейся ими открыто на лекциях, руководство Наркомпроса стало ограничивать роль профессоров в учебном процессе, внедряя новые методы преподавания. В их основе лежал так называемый Долтон-план.

Долтон-план (Dalton-Plan) — система организации учебной работы, основанная на принципе индивидуального обучения. Свое название она получила от города Долтон (Dalton, штат Массачусетс, США), где она впервые была применена Е. Паркхерст, проводившей опытную работу по этой системе в 1904–1920 гг. в различных

школах США. Этот метод обучения и созданные на его основе программы получили различные наименования. Долтон-план в СССР наиболее часто именовался «бригадно-лабораторным методом или «методом проектов», «активно-лабораторным методом» и т.п. Часто собирательно они назывались «активными методами преподавания».

В основе бригадно-лабораторного метода лежала самостоятельная проработка «бригадой», состоявшей из нескольких студентов, материала по заданию, предложенному преподавателем. В заданиях указывались последовательность работы, учебная литература, приводились задачи и упражнения, ставились контрольные вопросы. Преподаватель не объяснял новый материал, он читал краткую вводную лекцию (число лекционных часов было сведено к минимуму) и консультировал студентов в случаях затруднений с усвоением материала учебника. После выполнения всех заданий проводились заключительные занятия, на которых бригадиры, избравшиеся из наиболее успевающих студентов, отчитывались за всю бригаду о проделанной работе. Экзамены и зачеты были отменены. Таким образом, индивидуальный учет успеваемости студентов отсутствовал, зачет автоматически получал каждый член бригады. Роль преподавателя сводилась к роли консультанта [1. С. 167–168].

«Одна лекция уже не удовлетворяет, — отмечалось в одном из отчетов о деятельности Томского университета. — Главпрофобр дает указание о применении разных методов. Поднимается вопрос о применении наравне с лекцией активно-лабораторного метода с письменными заданиями и групповыми проработками». В целях наилучшего усвоения учебного материала за счет расширения практических занятий и введения семинаров Наркомпрос планировал достичь «более широкого вовлечения студентов в активную проработку учебного материала»⁸.

Но и здесь имела место жесткая оппозиция со стороны профессоров и преподавателей. Так, на 3-м Сибирском ректорском совещании, проводившемся в конце декабря 1923 г. — начале января 1924 г. в Новониколаевске, заведующий Сибпрофобром Д.К. Чудинов призвал сибирские вузы ускорить переход к активным методам обучения⁹. В 1924 г. Наркомпрос и ГУС уже более настойчиво рекомендовали провести коренную перестройку методов преподавания в вузах.

Из «старых» профессоров Томского университета лишь медик С.В. Лобанов увлекся этой идеей и последовательно поддерживал ее. Среди ее сторонников был и достаточно молодой преподаватель физико-математического факультета В.В. Ревердатто. «Реформа в медицинском образовании, — писал профессор С.В. Лобанов, оправдывая свою позицию, — диктуется не педагогическими целями и научными достижениями в области медицины, она вызвана коренными переменами нашей жизни и общественной медицины» [17. С. 15].

⁸ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1876. Л. 14.

⁹ ГАНО. Ф. 1053. Оп. 1. Д. 681. Л. 12–22.

Значительно более широкой поддержкой идея пользовалась со стороны студенчества. Лишь после того, как в 1924 г. на июльском пленуме ЦК ВКП(б) было принято решение о внедрении новых методов преподавания, под давлением властей и студенчества Томский университет решился на эксперимент. Были созданы методические комиссии из студентов и преподавателей. По инициативе студенчества предметные комиссии развернули обсуждение методов преподавания и программ [13. С. 324]. В результате на трех курсах медицинского факультета 50% лекций было заменено семинарами. На физмате на 12 кафедрах были организованы занятия по «долтоновскому плану» [20. С. 143–144]. «С торжеством факультетами отмечается, что число лекций неизбежно и постоянно убывает. Начинает господствовать так называемый активно-лабораторный метод, причем как идеал метода преподавания выставляется Долтон-план», — констатировала томская газета «Красное знамя»¹⁰.

Декан физико-математического факультета В.Д. Кузнецов так описывал это нововведение в Томском университете: «Введен новый тип экзамена. Студенты составляют группу в 2–6 человек и вместе готовятся, получая вопросы из различных частей курса, причем при подготовке студенты пользуются учебниками и руководствами. После часовой подготовки происходит коллективный ответ, при котором каждый студент отвечает, а другие слушают и подправляют» [20. С. 143–144].

«На медфаке ТГУ проводился методический эксперимент, — вспоминал позднее доктор медицинских наук профессор П.Т. Приходько, учившийся в то время на факультете. Проверку знаний студентов на коллоквиумах и экзаменах делали по так называемому Долтон-плану. Сущность его заключалась в том, что вместо индивидуального зачета или экзамена профессор вел беседу одновременно со всей учебной группой в 30–35 человек. Профессор задавал вопрос, а кто-нибудь из студентов отвечал. Те студенты, которые плохо знали предмет, старались ответить на легкие вопросы, и в конечном счете всем ставились положительные отметки. Это была удобная форма для лентяев, которые ухитрялись мало работать и получать хорошие оценки» [16. С. 54].

Несмотря на очевидные недостатки такой системы подготовки, первая методическая межвузовская конференция по вопросам преподавания в высшей школе, проходившая в Томске в январе 1925 г., постановила считать лекцию «отжившей и рассчитанной на пассивного студента-индивидуалиста старого строя» [20. 143–144; 1. 169].

Однако внедрение бригадно-лабораторного метода на медицинском и физико-математическом факультетах Томского университета уже вскоре обнаружило всю свою несостоятельность. В первую очередь реформа была рассчитана на студента, который был бы способен учиться самостоятельно. Но это не было свойственно

¹⁰ Красное знамя (Томск). 1934. 21 мая.

основной массе студентов. Как следствие, эта система не повышала, а, наоборот, снижала индивидуальную активность и ответственность за результаты работы. И, наконец, самое главное: при такой постановке процесса обучения игнорировалась ведущая роль профессоров и преподавателей.

Профессура Томского университета наряду с коллегами из других вузов страны протестовала против этого метода и настаивала на сохранении лекций. Профессора медицинского факультета А.П. Азбукин, В.Н. Саввин, А.А. Опокин, П.А. Ломовицкий наиболее активно высказывались за сохранение на медицинском факультете клинических лекций. «Без лекций мыслящих врачей не создать», — убеждали они. «На клинических лекциях студент учится разбирать больных в широком смысле этого слова, — подчеркивал В.Н. Саввин. — На этих лекциях студент может реально установить нормальные и патологические особенности данного организма, установить связи между отдельными органами, выяснить всю совокупность болезненных изменений как внешних жизненных условий». «Никакие практические занятия, даже наилучшим образом поставленные, не могут заменить клинические лекции», — заявил А.А. Опокин [6. С. 295].

Даже С.В. Лобанов, в первое время увлеченный новыми методами преподавания (его статьи на эту тему печатались на страницах томского комсомольско-коммунистического студенческого журнала «Рабочий студент» [17. С. 14–18; 18. 21–30]) и успевший «завоевать себе авторитет как знаток новых методов», со временем разочаровался именно в такой реализации реформы. Сказалось и сильное давление коллег. В итоге он «так поправел... и так стал играть назад, что... сейчас является двойным тормозом в деле внедрения новой методики в вузе», — отмечалось в «Политической сводке ячейки ВКП(б) ТГУ о состоянии университета за 1925/26 учебный год»¹¹.

В сохранившихся в архивах материалах зафиксировано, что «более медленными темпами реформирование учебно-методической работы проходило в медицинских вузах»¹². На большинстве клинических кафедр Томского университета бригадно-лабораторный метод так и не получил применения. Лекции остались одной из важнейших форм преподавания [13. С. 324]. В результате в 20-е годы бригадно-лабораторный метод так и не был введен в полном объеме в Томском университете. Под влиянием подобных настроений, господствовавших во многих вузах страны, Главпрофобр в 1926 г. вынужден был разрешить вернуться к традиционным методам ведения занятий: лекциям, семинарам и т.п. [6. С. 276; 20. С. 144] Характеризуя существовавшую методику преподавания в 1929/30 учебном году, ректор Томского университета В.Н. Саввин отмечал: «Система преподавания различна. Чисто лекционным путем преподаются предметы общественного цикла... Собственно медицинские

¹¹ ЦДНИ ТО. Ф-76. Оп.1. Д.330. Л. 14–24.

¹² ГАНУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1226. Л. 124 об.

предметы ведутся смешанным методом. Лекционный материал прорабатывается на практических занятиях, причем самые лекции сопровождаются демонстрацией препаратов, приборов и больных в клиниках. Только некоторые кафедры (анатомии, гигиены, социальной гигиены и др.) проводят занятия активно-лабораторным методом. Здесь значительная часть материала прорабатывается студентами самостоятельно. Соотношение лекций и практических занятий в общем равно 1:10, что соответствует директиве Главпрофобра. На физико-математическом факультете лекции занимают 30%, практические занятия — 70%» [6. С. 293].

Таким образом, соотношение методов преподавания стало определяться профессорско-преподавательским составом Томского университета и не зависело от абстрактных схем, а определялось характером преподаваемой дисциплины.

Однако в целом в ходе реформы высшей школы, проведенной на основе решений июльского (1928 г.) и ноябрьского (1929 г.) Пленумов ЦК ВКП(б), предпринимались массированные попытки внедрения новых «активных» методов обучения. С января 1930 г. занятия начались уже по новым планам и программам. Взамен лекций вводился «бригадно-лабораторный метод». «Преподавание велось на 90% по бригадно-лабораторному методу», — говорилось в одном из отчетов. «В 1930 г. лекции уже не должны были занимать более 14% учебного времени», — указывалось в другом. Удельный вес специальных занятий вырос примерно в 2 раза. Так, например, если раньше на геологическом отделении общеобразовательные дисциплины составляли 34%, то теперь — только 9%¹³. Произошло это за счет общеобразовательных дисциплин, что не могло не привести к сокращению общенаучной подготовки, а следовательно, и к обеднению университетского образования.

Очередной эксперимент с методами преподавания в Томском университете продолжался в течение весеннего семестра 1929/30 учебного года, 1930/31 и 1931/32 учебных годов и на осеннем семестре 1932/33 учебного года. Он в конечном счете привел к тем же результатам, что и эксперимент 1924/25 года.

Под давлением научно-педагогической общественности страны постановление ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» осудило применение бригадно-лабораторного метода как «методическое прожектерство» и предписывало устранить его применение. «Методы обучения должны, — говорилось в постановлении, — повысить роль профессорско-преподавательского состава, сделать преподавателей ответственными за постановку учебного дела и за работу каждого студента в отдельности» [19. С. 409].

В постановлении коллегии Наркомпроса, принятом на основе постановления ЦИК, было сказано: «Признать нецелесообразным

¹³ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 2. Д. 17. Л. 55; ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1876. Л. 15.

применение бригадно-лабораторного метода». Наркомпрос предлагал организовать при кафедрах и методических кабинетах «проработку» вопроса о методах обучения «в соответствии с особенностями материала, уровнем подготовки учащихся, наличием лабораторий и прочими условиями» [2. С. 837–838; 6. С. 303]. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. эти положения подтверждались. В основу учебного процесса, согласно этому постановлению, были положены лекции и практические занятия [22. С. 434; 6. С. 354].

Примечательно, что партбюро Томского университета, признав основной задачей 1930/31 учебного года пересмотр программ и профилей, введение текущего учета успеваемости (вместо экзаменов) и борьбу за внедрение активных методов преподавания, в своем решении вместе с тем записало: «Развернуть энергичную борьбу с извращениями в методах как «правого», так и «левацкого» характера, лекции сохранить, «поднять на должную высоту роль профессора в преподавании, обеспечив ему возможность разрабатывать свою дисциплину и систематически излагать ее студентам на лекциях...» [20. С. 170].

В Томском университете уже 1931/32 учебном году началось введение новых методов преподавания на «основе борьбы с левацкими наследиями бригадно-лабораторного и проектного метода», а в отчете о деятельности Томского университета за 1934 г. отмечалось, что в текущем году «было изжито наследие бригадно-лабораторного метода: посещение занятий стало обязательным». Занятия стали проводиться в форме лекций, практических (лабораторных) занятий и семинаров (просеминариев). Сочетание различных методов преподавания зависело от особенностей дисциплины, по которой велась подготовка, и материального обеспечения.

Лекции читались в соответствии с планом, доводившимся преподавателями до сведения студентов. Практические занятия, проводившиеся в достаточно хорошо оборудованных лабораториях под непосредственным руководством преподавателя, имели целью привить навыки исследовательской работы и умение ставить эксперименты. Семинарские занятия были двух видов: одни преследовали цель углубить и закрепить материал, изложенный преподавателем на лекции, другие — проводившиеся на старших курсах так называемые специальные семинары — имели целью привить навыки работы над различными источниками.

Постановление ЦИК СССР «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» 1932 г. отводило профессору и преподавателю роль центральной фигуры в учебном процессе. Это, в конечном счете, означало выражение доверия к профессорско-преподавательскому составу со стороны государства¹⁴ [19. С. 409].

Осенью 1933 г. Томский университет провел конференцию на тему «Какая лекция нужна в высшей школе?». Профессора В.Д. Кузнецов,

¹⁴ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1876. Л. 16, 17.

В.В. Ревердатто (рьяно выступавший ранее в пользу применения «активных» методов преподавания) и другие поделились своим опытом чтения лекций с молодыми работниками, аспирантами и студентами старших курсов высших учебных заведений Томска, присутствовавшими на конференции. Это мероприятие было необходимым и своевременным, так как молодые преподаватели вузов Томска совсем не были знакомы с лекционным методом [6. С. 305].

Несмотря на то что в 20-е — начале 30-х годов студенты дружно выступали против лекционного метода как «устаревшего» и «пассивного», великолепные, судя по отзывам современников, лекции профессоров В.М. Мыша, М.Г. Курлова, С.В. Лобанова, М.Д. Русского, В.Д. Кузнецова, М.А. Усова, П.С. Тартаковского, В.В. Ревердатто, Н.Н. Горячева, В.А. Хахлова, Б.В. Тронова, П.В. Савостина и других неизменно собирали полные аудитории. Студенчество слушало их с большим вниманием и шумно одобряло¹⁵ [6. С. 275; 13. С. 324].

В 20-е годы в Томском университете появилось еще одно новшество. В соответствии с требованиями к содержанию подготовки специалистов и для «приближения университетов к производству» на физико-математическом факультете была введена обязательная учебно-производственная практика студентов на производстве и в научно-исследовательских учреждениях, а студентов медицинского факультета — на участках [15. С. 732]. Роль организаторов практики, а иногда и непосредственных руководителей отводилась профессорам и преподавателям.

Выступая на 1-м Сибирском краевом научно-исследовательском съезде в 1928 г., один из руководителей системы народного образования Сибирского края А.Я. Голышев отметил, что «связь высшей школы с производством мыслится» в том числе и как «организация производственной практики учащихся». Первым годом, когда высшей и средней технической школе Сибири удалось органически связаться с производством, по его словам, был 1924/25 год [4. С. 39]

Декану физико-математического факультета ТГУ В.Д. Кузнецову удалось достаточно быстро наладить производственную практику студентов этого факультета. В 1925 г. он и проректор Томского университета по студенческим делам И. Зудилов были вызваны Главпрофобром в Москву для доклада о состоянии дел на физико-математическом факультете. После доклада, сделанного В.Д. Кузнецовым в ГУСе — в том числе и о постановке учебно-воспитательной работы на физико-математическом факультете Томского университета, — ГУС одобрил его деятельность, особенно подчеркнув, «что физмат имеет достижение в деле связи обучения с различными производствами Сибири» [6. С. 272].

К 1927 г. студенты физико-математического факультета Томского университета под руководством своих профессоров и преподавателей в летний период проходили производственную практику

¹⁵ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1754. Л. 1.

в девяти организациях: Сибкрайсовнархозе, Сибземуправлении, Сибгеолкоме, Томском и Хакасском окрпланах, Сибирском курортном управлении, Томском земуправлении, Сибгосторге, Красноярской опытной станции¹⁶.

Для студентов Томского университета учебно-производственная практика в 1925/26 году начиналась со 2-го курса, а после увеличения сроков обучения в 1926 г. — с 3-го и 4-го курсов.

Что касается профессоров и преподавателей медицинского факультета, то подавляющее большинство считали такую практику весьма ценной и настаивали на широком ее применении. «Летняя практика на участке — прекрасное дополнение к преподаванию, ее необходимо использовать возможно шире», — утверждали профессор А.Д. Тимофеевский и преподаватель С.А. Адамов. Введение учебно-производственной практики на медицинском факультете Томского университета горячо приветствовал профессор С.В. Лобанов [13. С. 325].

Летняя производственная практика на медицинском факультете проходила на 4-м и 5-м курсах по 2 месяца. В инструкции Главпрофобра было указано, что практика обязательно проводится в сельской местности, где имеются лечебные учреждения. В ходе практики, указывалось в инструкции, «студент должен проявить самостоятельность и инициативу, а не быть постоянно на поводке у преподавателя» [6. С. 297].

Большинство студентов, направленных на производственную практику, зачислялись на вакантные должности в сельские больницы, подвижные эпидотряды, обследовательские малярийные отряды, в качестве оспопрививателей и т.д. В сметы местных здравотделов вносились специальные статьи, предусматривавшие оплату труда студентов-практикантов. В период производственной практики студенты выполняли большой объем лечебной и профилактической работы. Они вели амбулаторный прием, проводили массовую вакцинацию, уничтожали зимовки малярийных комаров, обследовали персонал столовых, буфетов, пекарен и продуктовых магазинов, воспитанников детских домов, проводили другие санитарно-противоэпидемические мероприятия [13. С. 328–329].

Однако в этом деле имели место и перекосы. Так, ноябрьский (1929 г.) Пленум ЦК ВКП(б), подчеркивая важность производственной практики в связи с началом максимальной «технизации» университетских специальностей, указал на необходимость расширения и качественного улучшения производственной практики, увеличения этой практики с доведением количества времени, отводимого производственному обучению, до 40–50% всего учебного времени. В соответствии с этим были составлены новые учебные планы. Практика, указывал Главпрофобр, должна вестись круглый год, то есть теоретические курсы следовало чередовать с практическими занятиями

¹⁶ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1876. Л. 14.

на производстве. Именно с этого времени в документах появились термин «непрерывная производственная практика» и аббревиатура, его обозначающая, — НПП.

В соответствии с этими постановлениями в Томском университете в 1930 г. производственная практика была значительно увеличена и стала занимать половину учебного времени, отведенного для подготовки специалиста. Она начиналась с первого курса и проводилась на каждом курсе по 2–3 раза в течение 1–1,5 месяца¹⁷.

В постановлении ЦИК СССР «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» от 19 сентября 1932 г. термин «непрерывная производственная практика» был еще сохранен, но в постановлении указывалось, что в вузах с 4- и 5-годичным сроком обучения она начинается с 3-го курса и на нее отводится не более 30–40% всего учебного времени. В постановлении коллегии НКП, принятом на основе постановления ЦИК СССР, производственную практику рекомендовалось начинать с 3-го курса и отвести на нее 30–40% времени [б. С. 303].

С 1933 г. производственная практика на вновь образованных факультетах Томского университета начиналась с 3-го, а на математических специальностях — с 4-го курса. Ей предшествовала академическая практика на 1-м и 2-м курсах, а также практика в мастерских на химических и физических специальностях.

Выросло и число предприятий и организаций, где студенты ТГУ проходили производственную практику. Так, в 1934 г. 515 студентов 3-го, 4-го и 5-го курсов Томского университета прошли производственную практику на базе 64 организаций СССР. Практика длилась 2–2,5 месяца. На места практики иногда выезжали профессора и преподаватели, которые контролировали студентов, консультировали их и читали им лекции на темы производственной практики и по факультативным курсам. Иногда эти лекции читали и руководители предприятий¹⁸.

Таким образом, к концу 30-х годов сложилась такая организация системы обучения и аттестации студентов, которая представляла собой сочетание черт дореволюционной русской высшей школы и советских нововведений, оправдавших себя в ходе экспериментов 20–30-х годов XX в. К числу первых можно отнести лекции, семинары и практические занятия как методическую основу обучения; промежуточную (семестровую) аттестацию в виде зачетов и экзаменов; итоговую аттестацию в виде государственных экзаменов и защиты дипломного сочинения, широкопрофильную (университетскую) подготовку специалистов. К числу вторых принадлежат курсовая система обучения со строго определенными сроками начала и окончания учебных периодов и каникул, производственная и педагогическая практика, более специализированная по сравнению с дореволюционной высшей школой подготовка специалистов.

¹⁷ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1876. Л. 14.

¹⁸ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1876. Л. 20.

1. *Балбеко А.М.* Развитие региональной системы высшего образования: историко-педагогический аспект (на материалах Сибири 1917–1941 гг.). М., 2002.
2. Бюллетень Народного комиссариата просвещения. 1932. № 64.
3. *Вдовкин М.С.* Задачи заочного сектора. Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева. Томск, 1937.
4. *Голышев А.Я.* Подготовка квалифицированных работников Сибири // Труды Первого сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Т. V. Новосибирск, 1928.
5. *Загорский Н.* Классовая борьба в сибирских вузах. Новосибирск, 1929.
6. *Зайченко П.А.* Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева. Томск, 1960.
7. *Земцов А.А., Окишев П.А., Хромых В.С.* Географическое образование в Томском университете // Актуальные вопросы геологии и географии Сибири. Т. 1. Томск, 1998.
8. *Зудилов И.* Итоги работы физико-математического факультета Томского государственного университета // Рабочий студент (Томск). 1924. № 2.
9. Кого готовит Томский государственный университет. Справочник. Томск, 1931.
10. *Лаврский А.В.* Группа минералогии и геологии // Физико-математическое образование. Задачи и содержание. Томск, 1923.
11. *Лобанов С.* К реформе высшего медицинского образования // Рабочий студент. 1924. № 1.
12. *Лобанов С.* О комплексном преподавании на медицинском факультете // Рабочий студент. 1924. № 2.
13. *Мендрин Г.И.* Развитие высшего медицинского образования в Сибири // Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.). Новосибирск, 1980.
14. *Нилов В.З., Терюшков Г.А.* Университетское образование в Сибири (1917–1941 гг.) // Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.). Новосибирск, 1980.
15. *Покровский Д.В.* К истории Томского государственного университета (По поводу 40-летнего юбилея) // Сибирский архив теоретической и клинической медицины. 1928. Т. III. № 9–10.
16. *Приходько П.Т.* О моих учителях // Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.). Новосибирск, 1980.
17. Рабочий студент. 1924. № 1
18. Рабочий студент. 1924. № 2
19. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. М., 1932.
20. Томский университет. 1880–1980. Томск, 1980.
21. *Чанбарисов Ш.Х.* Формирование советской университетской системы (1917–1938 гг.). Уфа, 1973.
22. *Шварц А.М.* Красное студенчество и профессура // Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.). Новосибирск, 1980.
23. *Яковлева В.Н.* Организация высшей школы // Высшая школа РСФСР и новое студенчество. Пг., 1923.